

Конфликт интересов:
Мемуары С.И. Аллилуевой и хроника Е.С Гинзбург
в оценке англоязычной критики 1967 г.

Автор статьи анализирует англоязычную критику 1967 г. мемуаров «Двадцать писем к другу» С.И. Аллилуевой и хроники «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, которые практически синхронно публиковались на Западе в том же году на английском языке. Исследователь выявляет закономерности в оценке обоих произведений и приходит к выводу, что большинством рецензентов они воспринимались как единое целое, так как обе книги содержали ценные сведения по истории СССР сталинского периода. Мемуары также часто интерпретировались как дополнение друг к другу, поскольку воспоминания Гинзбург показывали тюремную и лагерную жизнь, а воспоминания Аллилуевой описывали советскую жизнь изнутри.

Ключевые слова: Е.С. Гинзбург, С.И. Аллилуева, «Крутой маршрут», «Двадцать писем к другу», лагерная проза, англоязычная пресса, англоязычная критика.

Первые сообщения о готовящейся публикации воспоминаний С.И. Аллилуевой появились в англоязычной прессе в апреле 1967 г., как только стало известно о том, что дочь Сталина не собирается возвращаться в СССР и просит политического убежища в США¹. С этого момента и вплоть до выхода мемуаров на русском и английском языках 16 октября в издательстве “Harper & Row”² западные СМИ активно подогревали интерес общественности к «сенсационным» воспоминаниям Аллилуевой: ни один материал не обходился без упоминаний о предстоящем выходе книги, о ее замысле, истории создания и содержании³.

Хронике «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург было уделено существенно меньше внимания – по очевидным причинам: Гинзбург не

была ни всемирно известной персоной, которую бы связывало родство с кем-нибудь из первых лиц государства, ни прославившимся на тот момент писателем. Кроме того, история публикации мемуаров была неясной: в 1967 г. в Европе и США вышла лишь первая часть хроники, в которой описываются события трех из восемнадцати лет заключения. Как именно и по каким причинам книга попала на Запад, оставалось для читателей загадкой, поэтому чаще всего в англоязычной прессе можно встретить версию, что Гинзбург намеренно передала первую часть «Крутого маршрута» за границу, потеряв всякую надежду опубликовать свое произведение на родине. Чтобы пресечь слухи о вынужденной отправке рукописи, она дала интервью итальянской газете «L'Unità»⁴ в июне 1967 г., однако этот материал остался практически незамеченным журналистами. Так или иначе, в формате книги первая часть хроники вышла на русском и итальянском языках в издательстве «Mondadori», затем хроника была переведена на английский язык и вышла в Великобритании и США⁵. Продолжение было опубликовано впервые в Италии в 1979 г. в том же итальянском издательстве «Mondadori»⁶, спустя два года после смерти автора.

Таким образом, Гинзбург не могла принять участия ни в подготовке перевода, ни в выборе издателя. Рекламирывать свое произведение напрямую она также не могла, не говоря уже о том, чтобы следить за соблюдением авторских прав. Однако все это не мешало хронике Гинзбург оказаться в списках лучших книг года – рядом с «Двадцатью письмами к другу»⁷. Объединял книги и характер рецензирования в англоязычной прессе, который будет описан в этой статье.

* * *

Первая волна отзывов принесла обоим книгам славу высоко литературных, эмоционально насыщенных произведений, ценных с исторической точки зрения. Первой рецензировалась книга Аллилуевой – многочисленные отзывы о ее воспоминаниях появлялись как в крупных, так и в региональных изданиях. В начале августа в «The Observer» появляется заметка под броским заголовком «Запад никогда еще не читал ничего подобного», представляющая собой дайджест англоязычных рецензий на «Двадцать писем...». Так, «The Daily Express» написала, что «мастерство Аллилуевой заключается в ее полной откровенности <...> Светлана может писать с чувственностью Тургенева»⁸. Э. Крэншоу, английский писатель, переводчик и с 1947 г. специальный обозреватель «The Observer» по делам СССР, охарактеризовал воспоминания Аллилуевой как

«уникальное произведение искусства», отличающееся «качеством и глубиной великого романа», добавив также, что «все предыдущие истории о России должны быть переписаны в свете этой книги»⁹. Сама “The Observer” предложила три варианта прочтения мемуаров. «Двадцать писем к другу» – это «подлинное свидетельство не только дочери человека, превратившего Россию в одну из самых сильных держав мира, но и женщины, пережившей невообразимую семейную трагедию»; это и «уникальный документ, проливающий новый свет на политику Кремля, в особенности – на смерть Сталина»; и наконец, мемуары Аллилуевой – это «первое из свидетельств об исторической катастрофе XX века, полученное от того, кто знал систему изнутри»¹⁰. Такой заметкой газета предваряла начало «обширной и эксклюзивной серии публикаций этого исторического произведения»¹¹.

К хронике Гинзбург слава начала приходиться в первой половине сентября. Меньше чем через месяц после публикации дайджеста отзывов на книгу Аллилуевой “The Observer” напечатала большую рецензию Крэншоу на «Крутой маршрут». Критик утверждал, что «Крутой маршрут» начинает «заполнять пробелы», которые образовались из-за иллюзии свободы слова после выхода в Советском Союзе «Одного дня Ивана Денисовича»¹²:

Это честное свидетельство о «другой стороне луны», рассказанное настоящим советским человеком. Мужество Евгении Гинзбург отправить эту рукопись на Запад безусловно восхищает и пугает, но это лишь продолжение того мужества, которое она проявляла на протяжении 20 лет тюрем и лагерей¹³.

Во второй половине сентября популярность «Крутого маршрута» становится сопоставимой с популярностью «Двадцати писем...». О хронике Гинзбург выходит развернутая рецензия в “The Daily Telegraph”, где критик писал, что «особенного уважения заслуживает тот факт, что автор, перенесший столь многие страдания, смог поведать о них так живо, без надрыва, что делает эту книгу одним из самых знаковых произведений о сталинской эпохе»¹⁴. Несколько раньше была напечатана заметка в “The Sunday Times”. Автор отметил писательский дар Гинзбург: «Умение наблюдать и затем блестяще описывать увиденное делает эту книгу по-настоящему уникальной»¹⁵. “The Guardian”, перенявшая эстафету у “The Sunday Times”, акцентировала внимание на литературной выразительности хроники: «Каждый, кто прочтет невероятную книгу Евгении Гинзбург, будет впечатлен как зарисовками манеры поведе-

ния советских органов власти, так и эпизодами, раскрывающими природу человеческой стойкости и выносливости»¹⁶.

Уже в этих высказываниях проявляется общая схема оценки обеих книг: на первый план выносятся *эксклюзивность* материала, на второй – уникальная личность героинь. Обе уникальности рождены пережитым опытом страдания и потерь. Роль третьего плана отводится способности Аллилуевой и Гинзбург этот опыт облечь в слова, наполняя произведения запоминающимися образами и яркими персонажами. У Аллилуевой – это портреты семьи и близких друзей, у Гинзбург – заключенных и надзирателей. Талантливое и увлекательное повествование подталкивало критиков к сравнению авторов с классиками мировой литературы, что также стало своеобразной закономерностью в оценке обоих произведений.

Аллилуева удостоилась чести встать в один ряд с представителями русской литературы, преимущественно XIX в. В августовской рецензии, помещенной в “The London Evening News” на русскоязычную, еще только готовившуюся к публикации версию «Двадцати писем...» (которая, вероятно, была на эксклюзивных условиях передана избранным журналистам для ознакомления), О. Франклин, представленная в газете как «русскоговорящий эксперт», назвала мемуары «шедевром, написанным с выразительностью Толстого». Она также отметила, что «книга не содержит никакой политической сенсации»¹⁷. В более поздней и менее хвалебной рецензии журнала “The Atlantic” (уже на англоязычную версию книги) дважды лауреат Пулитцеровской премии, историк, писатель, специальный помощник Дж. Кеннеди – А. Шлезингер привел целый ряд похвальных сравнений:

Первое письмо, с талантливым и одновременно ужасающим описанием смерти Сталина, вполне могло бы быть сценой из Достоевского. Портреты семьи ее матери, в особенности – тети Светланы, Анны, написаны в ярко выраженной чеховской манере. Количество совпадений в жизни Аллилуевой ассоциируются с русскими сказками или «Доктором Живаго». Ее проза полна образами упадка и возрождения¹⁸.

В обсуждении «Крутого маршрута» также находилось место литературным ассоциациям. Свидетельство Гинзбург чаще всего сопоставляли с произведениями схожей тематики: романом английского писателя А. Кёстлера «Слепящая тьма», посвященным эпохе большого террора в СССР (1936–1938 гг., как определил сам Кёстлер), и повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Дени-

совича». По мнению рецензентов, «Крутой маршрут» превзошел обе книги по манере повествования, яркости и силе образов:

Ни одна книга из внушительного собрания произведений об эпохе сталинских чисток не могла провести меня через террор и страдания так, как смогла эта. Даже ставшие классикой лагерной литературы – «Слепящая тьма» Кёстлера и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына – не обладают такой силой, как хроника Гинзбург¹⁹.

Издательство “Collins/Harvill”, выпустившее книгу Гинзбург на английском языке в Великобритании, написало, что это «один из самых великолепных рассказов нашего времени: замечательная и невероятно вдохновляющая история, которая начинается там, где заканчивается “Доктор Живаго”»²⁰.

* * *

Вторая волна критики началась в период с октября по ноябрь 1967 г., что было связано с приближающимся 50-летним юбилеем Октябрьской революции. Однако акценты существенно сместились. Если сразу после публикации книг обильно и хвалебно рецензировалась «Двадцать писем к другу», то теперь критики из раза в раз подтверждали высокий статус «Крутого маршрута», называя хронику глубокой, важной и убедительной. Для мемуаров же Аллилуевой настала пора *проверки на прочность*, поскольку критики начали более детально изучать их на предмет исторической значимости.

Это иллюстрируется рецензиями в одном из самых уважаемых и солидных литературных изданий Великобритании – в еженедельном литературном приложении “The Times Literary Supplement”.

Сначала в апреле 1967 г. здесь появляется развернутая рецензия на русскую версию первой части хроники Гинзбург, выпущенную в том же году итальянским издательством “Mondadori”²¹. Рецензию можно охарактеризовать как положительную (хотя стоит отметить, что большая часть статьи – это подробный пересказ хроники, что могло быть вызвано отсутствием на тот момент английской версии и, соответственно, желанием рецензента максимально познакомить читателя с текстом). Неизвестный автор, проводя обзор литературы о сталинском терроре, приходит к следующему выводу:

«Крутой маршрут» Евгении Гинзбург – книга иного порядка. В отличие от двух предыдущих (имеются в виду «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и «Опустелый дом» Л.К. Чуков-

ской. – А. М.) ее нельзя назвать литературным шедевром, но это выдающаяся хроника трех лет из восемнадцати, проведенных в лагерях, написанная женщиной за 30, женой высокопоставленного чиновника...<...> То, что только подразумевает Чуковская, здесь описано в мельчайших подробностях²².

Затем в сентябре публикуется еще один материал, посвященный «Крутому маршруту», его автором был корреспондент ВВС А. Верт. По сути, это информационная заметка, в которой рецензент кратко пересказывает содержание хроники, делится некоторыми фактами биографии Гинзбург, а также проливает свет на историю появления рукописи на Западе:

В «Крутом маршруте» Гинзбург рассказывает лишь о первых трех годах своего заключения; но она оставалась в заключении и ссылке еще на протяжении 15 лет, будучи освобожденной и реабилитированной только после смерти Сталина. Гинзбург – мать замечательного молодого писателя Василия Аксёнова; сейчас она живет в Москве (относительно спокойно). Множество машинописных копий ее книги, «самиздата», распространяется сейчас в России. Один из таких экземпляров, как представляется, был незаконно вывезен за границу, без ведома автора, и дошел до итальянского издателя Мондатори²³.

Несмотря на информационный характер материала, Верт называет хронику Гинзбург «одной из самых душераздирающих историй, когда-либо написанных о механизмах работы НКВД, методах их «расследований» и шантажа»²⁴.

В октябре 1967 г. Верт пишет разгромную рецензию на «Двадцать писем...», которая также публикуется в «The Times Literary Supplement». Критике подвергается буквально все: содержание книги, позиция автора, стиль изложения и даже ранее высказанная журналистами оценка этого произведения:

Редко так происходит, что международный шум поднимается вокруг столь посредственной и мало примечательной с точки зрения истории книги. Как сообщает один из наших *кремлевцев*, воспоминания Аллилуевой «это уникальное произведение искусства» и «все предыдущие истории о России должны быть переписаны в свете этой книги». Какая пугающая перспектива! Ведь одна из главных идей книги – это абсурдный тезис, что Сталин был не таким уж и плохим человеком, как мы привыкли думать, а монстром он стал из-за пагубного влияния Берии! <...> Как писатель Аллилуева уже была поставлена в

один ряд с Тургеневым, Толстым, Чеховым и Пастернаком. А почему бы не в один ряд с Гомером, Данте и Шекспиром – для полноты сравнения?²⁵

Сокрушительный удар Верт наносит по самому главному в мемуарах Аллилуевой – по не удавшемуся, к разочарованию корреспондента, образу отца: «Если бы дочь Сталина действительно *хотела* написать важную книгу воспоминаний об отце, она, возможно, могла бы это сделать. Но *20 писем к другу* не представляют в этом отношении большого интереса. Не кажется, чтобы Светлана Аллилуева действительно хорошо знала своего отца»²⁶.

Верт также отмечает поверхностную интерпретацию событий советской истории, политическую ограниченность Аллилуевой, ее навязчивое желание «обелить отца». Особенное недоумение у рецензента вызывает пассаж Аллилуевой о любви к родине. В «Двадцати письмах...» она пишет: «Как ни жестока наша страна, как ни трудна наша земля, как ни приходится всем нам падать <...> – никто из нас, привязанных сердцем к России, никогда не предаст ее и не бросит, и не убежит от нее в поисках комфорта – комфорта без души»²⁷. Аллилуева снабжает это предложение сноской: «Когда писались эти строки, четыре года тому назад, я действительно не представляла себе, что смогу уехать из России. Тогда все жили надеждой на возможность коренных преобразований в сторону настоящей демократии»²⁸. Верт, процитировав предварительно и сам пассаж, и автокомментарий Аллилуевой, язвительно замечает:

Иными словами, она могла смириться с «жестокостью и суровым режимом» при Сталине и даже при Хрущёве; но она не могла смириться с «жестокостью и суровым режимом» при Косыгине, который не разрешил ей выйти замуж за Баджеша Сингха (гражданский муж Аллилуевой, гражданин Индии, скончался в 1966 г., официально брак между Аллилуевой и Сингхом заключен не был. – А. М.) и переехать с ним в Индию²⁹.

Вердикт критика неутешителен: «В качестве семейной хроники книга Светланы представляет некий интерес; как история о “Закулисье Кремля” она весьма слабая; как отчаянная попытка оправдать Сталина (она даже говорит о том, что он не верил в “Дело врачей”, которое сам же и организовал) книга абсолютно неубедительна»³⁰.

Активно освещала историю публикации обеих книг газета “The New York Times”. В конце сентября 1967 г. Г. Солсбери, историк, журналист, работавший в СССР в годы Великой Отечественной войны, публикует краткий обзор мемуаров Аллилуевой: «События,

изложенные Аллилуевой, могут быть местами сильно преувеличены. Она была лишь подростком на протяжении большей части описываемого ею периода»³¹. Далее рецензент перечисляет спорные, на его взгляд, моменты из книги и опровергает их; объектом критики вновь становится намерение «обелить» Сталина, попытка доказать, что Сталин ничего не знал о «Деле врачей» и т. д.

В ноябре выходит другая статья Солсбери, но теперь уже посвященная «Крутому маршруту»:

Еще не появилось такого свидетельства, которое могло бы сравниться по честности и остроте изложения с историей Гинзбург. Литература о Сталинском терроре начала появляться в 1930-х, и на данный момент лучшим, возможно, остается виртуозный психологический роман «Слепящая тьма» Кёстлера. Но придуманные им сцены допросов в советских тюрьмах меркнут по сравнению с реальностью, которую описала Гинзбург. И даже «Один день Ивана Денисовича» Солженицына не сравним с «Крутым маршрутом»³².

Солсбери не подвергает сомнению ни фактическую достоверность книги, ни ее историческую ценность. Напротив, рецензент отмечает увлекательную манеру повествования, невероятную силу духа Гинзбург, ее писательский талант.

Поскольку обе книги несли политический подтекст, взгляды и ценности авторов-героинь также подвергались оценке и анализу. В фокусе внимания критиков оказались диаметрально противоположные позиции авторов: если Аллилуева пыталась «выгородить отца», возлагая ответственность за репрессии на Берию, то Гинзбург, напротив, стремилась перенести «центр тяжести в область конкретной борьбы с наследием Сталина»³³, исказившего светлые идеи коммунизма. Несмотря на смысловое различие этих позиций, для критиков они стали скорее рядоположенными, поскольку свидетельствовали о «перегибе» в какую-то одну из сторон, а также о некой ограниченности умозаключений.

Такой «перегиб» стал для мемуаров Аллилуевой главной проблемой. Шлезингер попытался объяснить позицию автора психоэмоциональными факторами, намекая на то, что не все аспекты книги стоит воспринимать как истину:

Светлана часто защищает отца: в свое время она писала, что его мания преследования «была результатом одиночества и изолированной жизни». <...> Историки найдут весьма проблематичной и ту часть книги, в которой Светлана предлагает воспринимать Берию как злого

гения, пленившего разум ее отца. <...> Нам просто не хватает знаний по данному вопросу, чтобы утверждать, что обвинения Аллилуевой относительно Берии верны. Но есть основания полагать, что дочерняя преданность заставляет ее гипертрофированно воспринимать отношения между Берией и Сталиным³⁴.

Кёстлер высказывался более однозначно относительно фигуры Аллилуевой, хотя и разделял мнение Шлезингера относительно невозможности избежать эмоциональной связи «дочь—отец»:

Конечно, книга не содержит никаких поразительных открытий. Она не проливает новый свет на историю сталинских чисток, показательные судебные процессы, абсурдные обвинения и невероятные признания. <...> Объяснение Светланой ужасов сталинского режима удивительно наивно. <...> Светлана нашла козла отпущения. С психологической точки зрения это можно понять и простить. С исторической это, конечно, абсолютный нонсенс. Таким образом, «Двадцать писем...» не предлагают историку ни новых фактов, ни надежных интерпретаций. <...> В предисловии Светлана пишет, что цель ее книги – «свидетельство». Однако, несмотря на все свои попытки быть объективной, она все же запуталась и не смогла избежать противоречивых чувств, оказалась неспособна на рациональные объяснения и оправдания³⁵.

Позиция Гинзбург, напротив, не вызывала особых нареканий. Критики скорее недоумевали, почему автор, продемонстрировавший способность к саморефлексии и нашедший в себе силы осуществить *перезагрузку* ценностей, так и не смог понять, что дело вовсе не в Сталине, а в системе власти:

«Как замечательно – пишет она, – что я ошиблась, в нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда; уже сегодня можно рассказать людям о том, что было, чего больше никогда не будет». Если бы эти слова были правдой! <...> Ведь книга Гинзбург до сих пор не опубликована в ее родной России³⁶.

Некоторые критики, несмотря на положительную оценку «Крутого маршрута» в целом, намекали, будто Гинзбург сама до конца не поняла смысла своего произведения:

Гинзбург – одухотворенная женщина, не лишенная чувства юмора. И ее воспоминания о первых трех годах заключения из 18, наполненные этим духом и юмором, помогают нам верить, что ника-

кие обстоятельства не могут превратить человека в зверя. Если бы все «коммунисты» были подобны Евгению Гинзбург, то мы с вами и сами рисковали бы стать коммунистами. И я говорю «рисковали», потому что Гинзбург не убедила меня в том, что сталинский террор происходил из-за самого Сталина и дефектов его личности, скорее – из-за той системы, которая и сделала его монстром (вольно или невольно, кто сейчас сможет сказать?)³⁷.

Таким образом, Гинзбург вызывала больше уважения и восхищения и представлялась критикам цельной личностью с четко сформулированными идеями и взглядами, нежели Аллилуева, вопреки тому, что первая была убежденной коммунисткой, а вторая признавалась, что у нее «нет никакой политической философии» и что «религия сыграла важную роль» в ее жизни³⁸.

* * *

Были, безусловно, и рецензии, основанные полностью не на анализе каждой отдельной книги, а на сравнении обеих. Однако в отличие от отдельных рецензий «парные» не выделялись глубиной мысли и серьезностью. Порой с уровня литературной критики журналисты опускались до уровня досужих рассуждений. Характерно в этом смысле, что одна из рецензий на мемуары Аллилуевой и Гинзбург появилась в британском сатирическом журнале «PUNCH». Противопоставление героинь начинается с первых строк:

В то время как Евгения Гинзбург замерзала в карцере, или пробивала тяжелым кайлом сибирскую землю, или наблюдала за тем, как конвой уничтожает фотографии ее детей, маленькая Светлана купалась в любви своего доброго отца, Сталина. С нянечками, гувернантками, многочисленными слугами, в кремлевской квартире или на семейных дачах... как могла Светлана знать, на что была похожа жизнь миллионов репрессированных? Повзрослев же, однако, она это узнала наверняка³⁹.

Несмотря на отрицательное восприятие рецензентом «Двадцати писем...» и положительное – «Крутого маршрута», завершается статья неожиданно: «Светлана приходит к выводу, что единственное, чего нельзя полностью уничтожить в человеке, – это добро. К такому же выводу, независимо от Аллилуевой, приходит и Гинзбург в “Крутом маршруте”, одном из лучших произведений о лагерной жизни. <...> Обе книги – произведение искусства»⁴⁰.

Аналогичным образом выстроена статья «Письмо Светлане», где рецензент, чтобы указать Аллилуевой на ее «политическую близурность», рассказывает историю Гинзбург, которая, пройдя через тюрьмы и лагеря, выслушав различные интерпретации событий 1930-х и 1940-х годов, смогла в итоге избавиться от иллюзии о «Сталине-отце». Ей хватило самообладания предположить, что он мог прекрасно знать о проходивших в стране массовых арестах, – Аллилуева же «так никогда и не смогла увидеть, куда вела лестница власти и привилегий»⁴¹. При этом автор резюмирует, что, несмотря на «очевидные недостатки «Двадцати писем»», оба произведения, как и их авторы, явились выражением «великой русской совести»⁴², что особенно актуально в преддверии празднования 50-летия Октябрьской революции.

Например, к Гинзбург, мудрой, принципиальной, способной стоически переносить тяготы жизни, критики иногда апеллировали, чтобы *быстро*, без долгих объяснений или попыток анализа упрекнуть Аллилуеву в отсутствии четкой жизненной позиции:

И, пожалуй, самое удивительное в воспоминаниях Гинзбург – это ее недогнувшая вера в коммунизм, в ту политическую систему, которую у нее были все основания ненавидеть. Светлана Сталина, чья автобиография будет опубликована здесь через две недели, решила улететь на Запад, потому что не могла больше выносить жизни в России⁴³.

Некоторые сравнения были призваны подчеркнуть превосходство одной женщины над другой, подразумевая, что обращение Аллилуевой к религии – это проявление слабости, тогда как приверженность коммунистическим взглядам со стороны Гинзбург – проявление силы характера: «В отличие от Аллилуевой, которая обратилась к религии, Гинзбург, по-видимому, сохранила веру в коммунизм и опубликовала свою книгу на Западе, под собственным именем, при этом оставшись в СССР»⁴⁴.

Иные, напротив, стремились сократить дистанцию между «Двадцатью письмами...» и «Крутым маршрутом», акцентируя внимание не столько на самих произведениях, сколько на личности их авторов, которых объединил опыт потерь:

Обе женщины, столь не похожие друг на друга, встречаются здесь, в общем для них горе и плаче о потерянном. <...> Роднит их и столь свойственная русским людям тревожная и болезненная любовь к России, обратной стороной которой оказывается бессмысленный патриотизм. <...> Обе они верят в живительную силу, присущую коммунизму – или России?⁴⁵

* * *

Таким образом, голоса двух женщин противопоставлялись друг другу и дополняли друг друга на страницах англоязычных газет и журналов. «Двадцать писем к другу» и «Крутой маршрут», безусловно, не были задуманы как диалог; они не были полемичны по отношению друг к другу и не представляли собой попытки сделать «свою правду» важнее «правды другого». Но стоило этим «правдам» оказаться в одном информационном поле, как между ними неизбежно возникал дух противоречия.

Шлезингер писал, что «обязанность истории состоит в том, чтобы предоставить как можно более точную и полную реконструкцию прошлого, равно как обязанность разумного общества состоит в том, чтобы его граждане могли максимально точно представлять себе, к чему идут их лидеры и что они делают по дороге к этой цели»⁴⁶. Мемуаристы выполнили эти обязанности и перед историей, и перед обществом. Поэтому в англоязычной критике их произведения срослись, подобно сиамским близнецам, и, несмотря на различия, стали для читателей и критиков важными свидетельствами века.

Примечания

- ¹ Daughter Said to Write a Memoir About Stalin // The New York Times. 1967. Apr. 17; *Aarons L.F., Marder M.* Svetlana Flies to U.S., Rejects Communism // The Washington Post and Times-Herald. 1967. Apr. 22; *Elsasser G.* Svetlana Tells Why She Lost Red Faith // Chicago Tribune. 1967. Apr. 27; *Raymont H.* Alliluyeva book in Russian, too // The New York Times. 1967. Jun. 21.
- ² *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. N.Y.: Harper & Row Cop., 1967; *Alliluyeva S.I.* Twenty letters to a Friend. N.Y.: Harper & Row Cop., 1967.
- ³ Transcript of Mrs. Alliluyeva's Statement and Her Replies at News Conference // The New York Times. 1967. Apr. 27; True Story of Svetlana's Exit // Boston Globe. 1967. Sep. 5; Hutchinson Advertisement // The Times Literary Supplement. 1967. Sep. 28.
- ⁴ *Guerra A.* Il viaggio nella vertigine // L'Unità. 1967. Giugno 1.
- ⁵ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Arnoldo Mondadori, 1967; *Ginzburg E.S.* Journey into the Whirlwind. N.Y.: Harcourt, Brace & World Cop., 1967.
- ⁶ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С.* Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана //

- Вестн. РГГУ. 2015. № 5. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. С. 61–72.
- ⁷ Подробнее см.: Autumn Reading // The Sunday Times. 1967. Aug. 27; A Christmas Guide for Readers // The New York Times. 1967. Dec. 3.
  - ⁸ Цит. по: The West Has Never Read Anything Like It // The Observer. 1967. Aug. 6.
  - ⁹ Ibid.
  - ¹⁰ Ibid.
  - ¹¹ Ibid.
  - ¹² *Crankshaw E.* The Terror from Within // The Observer. 1967. Sept. 17.
  - ¹³ Ibid. Сама Гинзбург опровергала версию о намеренной передаче рукописи на Запад. Не исключено, что ее свидетельства игнорировались, чтобы придать образу автора больше героизма и таким образом повысить ценность ее хроники.
  - ¹⁴ *Floyd D.* Under Stalin's Terror // The Daily Telegraph. 1967. Sept. 21.
  - ¹⁵ *Feifer G.* The Nightmare of Stalin's Russia // The Sunday Times. 1967. Sept. 17.
  - ¹⁶ *Litvinoff E.* The Great Stalinist truth // The Guardian. 1967. Sept. 22.
  - ¹⁷ Цит. по: *Osnos P.* Memoirs Published: Svetlana Says Stalin Feared Doctors' Plot // The Washington Post and Times-Herald. 1967. Aug. 4.
  - ¹⁸ *Schlesinger Jr. A.* Twenty Letters to a Father. [Электронный ресурс] URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1967/11/twenty-letters-to-a-father/303396/> (дата обращения: 29.03.16).
  - ¹⁹ *Feifer G.* Op. cit.
  - ²⁰ Collins Advertisement // The Times Literary Supplement. 1967. Jul. 27. P. 671.
  - ²¹ Подробнее см.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. Milan: Arnoldo Mondadori, 1967.
  - ²² Victim of a Stalin Purge // The Times Literary Supplement. 1967. Apr. 27. P. 348.
  - ²³ *Werth A.* Purge Victim // Ibid. Sept. 21. P. 835.
  - ²⁴ Ibid.
  - ²⁵ *Werth A.* Papa Stalin // Ibid. Oct. 5. P. 929.
  - ²⁶ Ibid.
  - ²⁷ Подробнее см.: *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. Киев: Молодь, 1991. С. 90.
  - ²⁸ Там же.
  - ²⁹ *Werth A.* Papa Stalin. P. 929.
  - ³⁰ Ibid.
  - ³¹ *Salisbury H.E.* The Communist World // The New York Times. 1967. Sept. 24.
  - ³² *Salisbury H.E.* Loyalty was the Error // Ibid. Nov. 19.
  - ³³ Подробнее см.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. М.: Сов. писатель, 1990. С. 594.
  - ³⁴ *Schlesinger Jr. A.* Op. cit.
  - ³⁵ *Koestler A.* Koestler on Svetlana // The Sunday Times. 1967. Oct. 10.
  - ³⁶ *Salisbury H.E.* Loyalty Was the Error.
  - ³⁷ *Hamilton I.* Nonfiction // Illustrated London News. 1967. Oct. 14.

- ³⁸ Transcript of Mrs. Allilueva's Statement and Her Replies at News Conference // The New York Times. 1967. Apr. 27. В 1962 г. Аллилуева крестилась.
- ³⁹ *Macleod A.* All My Daughters // PUNCH. 1967. Oct. 4. P. 522.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ *Ragland D.* A Letter to Svetlana // Yorkshire Post. 1967. Oct. 2.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ The Spirit that Stalin's Terror could not Crush // The Sunday Express London. 1967. Sept. 17.
- ⁴⁴ *Miller J.* Cruel Heights and Lower Depths // Glasgow Herald. 1967. Oct. 7.
- ⁴⁵ *Lessing D.* On our Side // New Statesman. 1967. Oct. 6.
- ⁴⁶ *Schlesinger Jr. A.* Op. cit.